

ПРИЛОЖЕНИЕ

CENSORINUS
DE DIE NATALI LIBER

ЦЕНЗОРИН

КНИГА О ДНЕ РОЖДЕНИЯ

Перевод с латинского и комментарии В. Л. Цымбурского

ХИ. И, право, нет ничего невероятного в том, что к нашему рождению причастна музыка. Заключается ли она только в звуке, как говорит Сократ²⁰, или в звуке и в движении тела, по Аристоксену, или в них обоих и еще — в движении души, как думает Феофраст, — определено, много в ней божественности и всего более властна она в движении душ. Потому что, не будь она мила бессмертным богам, состоящим из божественной души, то явно ради улагодворения богов не были бы введены игры на сцене, и не было бы флейтиста при всех молениях в святых храмах, и не справлялся бы с флейтистом Марсов триумф, ни Аполлону не была бы придана кифара, ни Музам — флейты и прочее в том же роде, ни флейтистам, которыми улагодворяются божества, не было бы позволено устраивать публичные игры и трапезовать на Капитолии, или в Малые Квинкваторы, то есть в июньские иды, бродить по городу одетыми, во что захотят, ряжеными и хмельными. Да и сами души людей — божественные, хотя против и кричит Эпикур, — природу свою познают через песни. Чтобы легче сносить тяготу,

²⁰ Ср. *Plat.*, *Symp.* 215c 6; *Philb.* 17b.

например, в корабельном плавании — у корабельщиков музыка; и когда легионы бьются в строю, даже смертный страх прогоняется трубой. Потому Пифагор, как рассказывают, чтобы проникся дух своей божественностью, имел обыкновение, прежде, чем предаться сну, и после пробуждения играть на кифаре, и врач Асклепиад разум душевнобольных, возмущенный недугом, часто симфонией возвращал к его природе. А Герофил, наставник в том же искусстве, говорил, что пульс в венах бьется в музыкальных ритмах. Итак, коль скоро в движении и тела, и души есть гармония, — без сомнения, музыка не чужда нашему рождению.

XIII. Сюда присоединяется и то, о чем возвестил Пифагор, — будто весь этот мир основан на музыкальном порядке, и семь подвижных планет между небом и землей, которыми управляемы рождения смертных, имеют движение *ἑνρρθυον* [в ритме] и промежутки, соразмерные музыкальным диастемам; и все они, собравшись со своими высотами, издают разные звучания, сливающиеся так, что вместе льются сладчайшей мелодией, неслышной нам из-за мощи звука, не вмещающегося в узкие отверстия наших ушей. И как Эратосфен из геометрических выкладок вывел наибольшую окружность земли в 252 000 стадиев, так и Пифагор указал, сколько стадиев между землей и каждым из светил. А под стадием при этом измерении мировых расстояний понимать следует преимущественно тот, который зовут италийским, — в 625 футов; потому что есть и другие различной длины, например, олимпейский в 600 футов, а также пифийский — в 1000.

Итак, Пифагор предполагал между Землей и Луной 126 000 стадиев, промежутков, равный тону; а от Луны до светила Меркурия, которое зовут Стилбоном, — половина этого, как бы полутон; а отсюда до Фосфора, светила Венеры, почти столько же, то есть еще полутон; отсюда до Солнца в три раза больше, словно полтора тона. Значит, солнечное светило отстоит от Земли на три с половиной тона, что зовется *διὰ πέντε*, а от Луны — на два с половиной (это значит — *διὰ τεσσαράων*). От Солнца же до Марсова светила, которому название Пироент, такой же промежуток, как от Земли до Луны, составляющий тон; отсюда до светила Юпитера, что зовется Фаэтон, половина этого, равная полутону; столько же от Юпитера до Сатурнова светила (имя ему — Фенсн), значит, еще полутон, и так же полутон оттуда до высочайшего неба с созвездиями. Итого от высочайшего неба до солнца диастема *διὰ τεσσαράων*, то есть в два с половиной тона, а от того же неба до поверхности Земли шесть тонов, в которых заключается симфония *διὰ πασών*²¹.

И многое другое, о чем говорят музыканты, он соотнес с иными светилами и показал, что весь этот мир — *ἑναρμονίος* [гармоничен]. Потому и написал Дорилай, будто мир — инструмент бога, а другие добавляли, что он — *ἑπτάχορδος* [семиструнный], оттого что имеются семь светил, более всего пребывающих в движении. Но здесь не место подробно разбираться во всем этом. Если бы захотел я это отдельно собрать в одну книгу, то и тогда мне показалось бы мало места. Лучше уж — и поскольку слишком далеко увела меня сладость музыки — вернуться к намеченному.

XIV. Изложив то, что предшествует дню рождения, расскажу, как определяются годы, называемые *ἡλικιακήτικοι*²², и какие есть мнения о ступенях человеческой жизни. Варрон думает, что существуют пять равномерно распределенных ступеней жизни, и каждая, кроме последней, — по 15 лет. На первой ступени до 15-го года — *pueri* «дети», называемые так, поскольку они чисты (*puerī*), то есть безбороды; на второй — до 30 лет — *adolescentes* «подростки», прозванные так оттого, что они расгут; на третьей ступени пребывают до 45 лет, именуясь «юношами» (*iuvenes*), ибо могут государству помогать (*iuvare*) в военном деле. На четвертой вплоть до 60-го года — величаемые «старейшинами» (*seniores*), потому что тогда тело впервые начинает стариться. А отсюда до конца жизни у каждого — пятая ступень, а тех, кто на ней, именуют «стариками» (*senes*), так как в этом возрасте тело уже страдает от старости.

²¹ Исходная величина Пифагора — расстояние до Луны (один тон) — составляет около 23 400 км, при реальной величине от 3 564 000 до 406 800 км; не лучше, на современный взгляд, обстоит дело с пропорциями: ср. минимальное расстояние от Земли до Солнца 147 117 млн. км при трех с половиной «тонах» по Пифагору.

²² Собственно, «возрастные ступеньки» (следом дается точная латинская калька *gradus aetatis*).

Врач Гиппократ расписал возраст по семи ступеням. Концом первой он счел седьмой год, второй — 14-й, третьей — 28-й, четвертой — 35-й, пятой — 42, шестой — 56-й, седьмой — последний год человеческой жизни²³. Солон же образовал десять частей, разделив пополам третью, шестую и седьмую гиппократовские ступени, чтобы в каждом возрасте было по семь лет²⁴. Перипатетик Стасей к этим десяти семилетиям Солона прибавил еще два и сказал, что полная протяженность человеческой жизни — 84 года, а если кто минует этот срок, то поступает так же, как бегуны и колесницы, проскакивающие за финишную черту. Как упоминает Варрон, в этрусских книгах судеб человеческая жизнь тоже расписана по 12 семилетиям. В то время как она²⁵... может продлеваться обрядами, отвращающими роковой час, до десяти семилетий, а с 70-го года не следует ничего просить, да и нельзя ничего добиться у богов; наконец, после 84 лет люди выживают из ума и не бывает им знамений.

Из всех наиболее приблизились к природе те, что измерили человеческую жизнь семилетиями. Ведь почти после каждого седьмого года создает природа некие члены тела или являет что-то новое в них, как можно узнать и из элегии Солона. Говорит он: ведь в первое семилетие падают зубы, во втором — появляется пушок, в третьем — растет борода, в четвертом — силы, в пятом — созреваем для того, чтобы оставить потомство, в шестом — умеряются страсти, в седьмом — преисполняемся благоразумия и красноречия, в восьмом — то же самое (иные говорят, что в это время пригупляется зрение), в девятое все слабеет, в десятое — человек созревает для смерти... но во второе семилетие или в начале третьего голос делается грубым и неровным, что Аристотель зовет *τραγίσειν*, а наши в древности — *irquitallire*²⁶, и потому, как думают, самих тогда называют ирквиталлами, потому что тело начинает пахнуть козлом (*ircum*). А из третьего, подросткового возраста в Греции образовали три ступени, предшествующие возмужалости, ибо зовут в 14 лет — *παῖς*, а в 15 — *ὑελλέφηρος*, затем в 16 — *ἔφηρος* и в 17 — *ἕξ ἔφηρων*.

И много еще о семилетиях внесли в книги врачи и философы, откуда явствует, что как при болезнях седьмые дни вызывают беспокойство и зовутся *κρίσιμος*, так и в течение всей жизни каждый седьмой год опасен и как бы *κρίσιμος* и зовется «климактерическим». Но составители гороскопов говорят, будто одни из этих лет тяжелее других, и, как полагают некоторые, особенно надо иметь в виду те, которыми завершаются третьи семилетия, а это — годы 21-й, 42-й, потом 63-й и последний 84-й, где Стасей положил предел жизни. А другие — и их немало — передают, что есть лишь один, тяжелейший из всех *κλιναιτήρ*, и это год 49-й, который образует седмижды семь лет. К их мнению согласно склоняется большинство: ведь квадратные числа считаются самыми могущественными. Наконец, пусть выступит и Платон (эта святая древней философии!), мысливший, что жизнь человеческая завершается хотя и квадратным,

²³ *Hippocr.*, serd. 5; переворачивая хронологию, Цензорин трактует солоновскую схему в качестве логического развития гиппократовской. На самом деле, не менее вероятно обратное развитие: обе схемы основаны на операциях с семеркой, но если у Солона видим механический счет по семилетиям, то гиппократовская схема, будучи более согласованной с реальным биологическим циклом за счет ослабления формальной жесткости (интеграция нескольких семилетий в одну ступень, неограниченность последней ступени, как и в схеме Варрона), компенсирует это размытие структуры введением «магической семерки» на другом уровне (общее число ступеней).

²⁴ Фр. 19 (по антологии Э. Диля).

²⁵ В заполнение лакуны предложены следующие конъектуры: 1) *quae dum* *anponos habent quattuor et octoginta tamen homines aetatem suam* «...хотя они включают 84 года, но люди могут свою жизнь и т. д.» (Ф. Хульч и др.); эта конъектура согласуется лишь с появляющимися в отдельных поздних списках *proferre* «продлить», «отсрочить» (вм. *proferri* «продлиться», «быть отсроченным»); 2) *quae dum* *ad novies septenos annos prodigiis privatum factis proferretur* «которая до 63-х лет длится при являющихся частным образом знамениях» (Н. Залльманн), что совсем плохо, так как рядом прямо говорится о знамениях, бывающих до 84-х лет, т. е. до конца разумной жизни человека (по Цензорину).

²⁶ У Аристотеля это выражение находим в *gen. an.* 5, 7 (788a, 1) и *hist. an.* 7, 1 (581a, 19), в сочинениях, возможно, цитируемых Цензорином по некоему промежуточному источнику (см. выше). Если, что довольно правдоподобно, из того же источника пришло и glossирующее аристотелевский термин архаичное латинское словечко, — это могло бы быть определенным указанием в пользу идентификации источника-посредника с Варроном.

по девятиричным числом лет, каковое составляет 81 год²⁷. А были также и такие, которые принимали оба числа — и 49 и 81, и меньшее связывали с ночными рождениями, а большее — с дневными. Большинство же тонко различает чередование этих двух чисел, говоря, будто семерка касается тела, а девятка — души; та относится к телесной медицине и Аполлону, а эта к Музам, поскольку болезни души, называемые *πάθη*, принято музыкой смягчать и пелить. Итак, возвещают, что первый *κλιμακτήρ* — это год 49-й, а последний — 81-й, средний же, где перемешано и то и другое, приходится на год 63-й, который образуют либо девять семерок, либо семь девяток. Хотя иные и зсвут его опаснейшим, так как он связан и с телом, и с душой, я, однако, полагаю его немощнее прочих. Ведь хотя он и содержит оба названных числа, но ни одного — в квадрате; и как ни тому, ни другому он не чужд, так и ни в одном не властен. И явно, не многих, почтенных в древности славой, унес этот год. Вспоминаю Аристотеля Стагирита; но, говорят, он так долго доблестным духом противостоял врожденной немощи желудка и частым недугам болезненного тела, что удивительнее, как он дожил до 63 лет, чем то, что не пережил их.

XV. Потому, священнейший Церелий, коль скоро ты безо всякого ущерба миновал этот год, опаснейший для тела, меньше опасаясь за прочие твои «климактеры», которые полегче, — прежде всего зная, что владычествует в тебе более природа духа, нежели тела; а мужи, бывшие таковыми, не раньше прощались с жизнью, чем достигали того, 81-го года, где Платон и полагал законный конец жизни и обрел законный конец. В этот год и Дионисий Гераклеийский отказался от пищи, чтобы проститься с жизнью, и, напротив, киник Диоген от сырой пищи заболел холерой. Также и измеритель земли Эратосфен, и платоник Ксенократ, глава старой Академии, прожили до этого же года. Немало также и тех, кто, пересилив крепостью духа тяготы тела, перешли этот порог, как, например, Карнеад, от которого пошла третья Академия, называемая Новой, и который жил до 90 лет, или Клеанф, которому одного года не хватило до ста. А Ксенофан Колофонский был старше ста лет. Демокрит Абдерский и Исократ также, как говорят, почти достигли того же возраста, что и Горний Леонтийский; а о нем известно, что из всех, живших в древности, был он самым глубоким стариком и насчитывал восемь лет свыше ста.

А если почитателям мудрости за доблесть их духа или по закону судеб выпадала долгая жизнь, не расстаюсь я с надеждой, что также и тебе, долго здравствующему духом и телом, тоже предстоит продолжительная старость. Кого из древних, перебрав в памяти, поставим мы впереди тебя по благоразумию или воздержанности, или справедливости, или мужеству? Кто из них, если бы он был здесь, не передал бы тебе честь всех добродетелей? Кто постыдился бы уступить твоей славе? То, полагаю несомненным, достойно хвалы, что если почти всем им, хотя и благоразумнейшим и далеким от дел государства, не случилось, по большей части, провести жизнь без ущерба и жестокой вражды, то ты, отправляя муниципальные должности, выделяясь жреческим саном среди главенствующих у тебя на родине и даже превзойдя в блеске всаднического сословия ранг провинциалов, не только всегда был в стороне от зависти и упреков, но вместе с высочайшей славой снискал и всеобщую любовь. Кто не добивался знакомства с тобой из блистательного сенатского сословия, а из низкого, плебейского — кто не жаждал этого? Кто из смертных, увидав тебя или узнав твое имя, не привечает тебя как родного брата и не почитает как отца? Кто не знает о безупречной честности, величайшей надежности, невероятной благодетельности, редчайшей скромности и простоте и прочих проявлениях прекрасной человеческой природы, собранных в тебе одном, — и даже о большем, чем кто-либо способен достойно поведать? Потому я и прекращаю это перечисление. Умалчиваю также о красноречии; его знают в наших провинциях все трибуналы и все восседавшие в них; ему удивились, наконец, и город Рим и священное собрание. Оно само себя довольно прославляет и в настоящем и на будущие века.

XVI. Теперь же, пока я пишу одне рождения, попытаюсь выполнить мой долг и это, нынешнее время, когда ты — в наибольшем расцвете, обозначу, насколько смогу, яснейшими приметам, откуда легко будет опознан и тот, твой первый день рождения.

²⁷ Ср. *Plat.*, *Pol.* 10, 615a — b.

²⁸ *Annus vertens* — дословно «оборачивающийся год» (ср. *Cic.*, *nat. deor.* 2, 53; *Manil.* I, 516 и т. д.), обычное обозначение текущего времени, у Цензорина — тер-

Временем же я называю не только день или месяц, или годичный оборот²⁸, но и то, что некоторые зовут люстром или великим годом, и то, что именуют веком²⁹.

Впрочем, о вечности, которая вся — единое и величайшее время, сейчас будет сказано лишь немного. Она безмерна, без начала и конца, она — то, что всегда было и всегда будет одним и тем же, и ни одного человека не затрагивает больше, чем другого. Она делится на три срока: прошлое, настоящее, будущее. Из них прошлое не имеет истока, будущее — исхода. А настоящее, которое посреди, до того незначительно и неуловимо, что не имеет никакой протяженности, и кажется, будто оно — не что иное, как соединение минувшего и будущего и притом до того непрочно, что никогда не остается на том же месте; но все пробегающее оно отрывает от будущего и прибавляет к ушедшему. Между собой эти сроки — я говорю о совершившемся и о грядущем — и не равны и не так, чтобы один был длиннее или короче другого. Ведь все, не имеющее предела, не находит и меры для сравнения. Оттого я и не буду пытаться измерять вечность числом лет или веков или, наконец, любой меркой конечного времени. Ведь все это перед бесконечным сроком не составит даже и часа в кратчайший из зимних дней³⁰.

XVII. Чтобы я смог пробежаться по векам и обозначить наш нынешний, начну, оставив в стороне золотые с серебряными и прочие поэтические в этом роде, с основания города Рима, общего нашего отечества; и коль скоро века бывают или естественные, или государственные, расскажу сперва о естественных.

Век — это длиннейший срок человеческой жизни, ограниченный рождением и смертью. Поэтому те, кто считает веком 30 лет, думается, сильно заблуждаются. По Гераклиту этот срок зовется *ἡνείκα*, так как в этом промежутке заключен круг поколения; а кругом поколения он называет время, пока природа обратится от одного человеческого посева к следующему. Впрочем, этот срок — *ἡνείκα* — другие определяют иначе: Геродик пишет, что *ἡνείκα* называются 25 лет, а по Зенону — 30. А что такое век, — я полагаю, до сих пор не исследовано в точности. Правда, много невероятного написали поэты и не меньше — греческие историки, хотя этим и не подобало бы отступать от истины: таков, например, Геродот, у которого читаем, что якобы Аргаитоний, царь Тартеса, был 150 лет³¹, или Эфор, передающий со слов аркадян, будто бы цари у них в древности жили до 300 лет. Оставляю это в стороне как явные басни. Но среди самих астрологов, выслеживающих истину в порядке светил и звездных знаков, также не выходит согласия. Эпиген определил длиннейшую жизнь в 110 лет, а Бероз — в 116, другие верили, что она может продлиться до 120 лет, а некоторые — даже и больше. А были и такие, кто думал, будто не для всех мест это одинаково, но по-разному в различных областях соответственно тому, каков в них наклон неба к кругу горизонта³², называемый «клима».

мин, равный простому annus в смысле «минимальный годичный цикл» и в противопоставлении циклам более крупным (anni magni).

²⁹ По старой, очень убедительной реконструкции О. Группе, распределение материала в этой части цензориновского трактата точно соответствует структуре «хронологического» шестикнижия из «Человеческих древностей» Варрона (*Gruppe O. Über die Bücher XIII bis XVIII der «Antiquitates humanae» des Varro's.* — Hermes, 1875, X, S. 53 f.). Однако не ясно, в какой мере может восходить к Варрону развернутая цензориновская типология «больших лет».

³⁰ ...*unius brumalis instar horae*... — собственно, «как один час в зимнее солнцестояние», когда день включал $9\frac{3}{4}$ равноденственных часа (*Mart. Cap.*, VIII, 346), — сравнение, целиком вытекающее из определения римского «дневного часа» как $1/12$ светлой части суток, «естественного дня», по Цензорину (XVIII); отсюда эффект «сжатия» «естественного часа» в зимнее время. Интересно сравнить анализ трехчастного членения времени у Цензорина с аналогичными высказываниями Секста Эмпирика (*Adv. math.* VI, 63, 66; X, 197 sq.), исходящего из нереальности прошедшего и будущего, которой якобы определяется нереальность времени в целом. Для Цензорина реальность будущего и прошлого не поддежит сомнению, а самым низким онтологическим статусом обладает как раз настоящее.

³¹ *Herod.*, I, 163; но у Геродота говорится о 120 годах! Однако цифру 150 со ссылкой не на Геродота, а на Анакреонта находим у Плиния Старшего (VI, 48); остается предположить, что эта цифра рядом с неясной «подкрепляющей» ссылкой на Геродота могла присутствовать уже в «Человеческих древностях», общем источнике для Цензорина и Плиния, у которого перечень аналогичных курьезов намного подробнее цензориновского (*Gruppe. Op. cit.*, S. 55).

³² *Circulus finitor* — калька с *κόμπος ὀρίων*.

Но хотя истина и скрывается во тьме, однако о том, каковы естественные века в каждом государстве, учат как будто ритуальные этрусские книги. Говорят, в них написано, что начала столетий определяются так: «В который день основывается город или государство,— проживший дольше всех из рожденных в этот день определяет днем своей смерти размер первого века; а из тех, кто в этот день остается в государстве, опять же смерть прошедшего самую долгую жизнь есть конец второго века. И затем так же размечаются сроки остальных. Но поскольку люди о том в неведении, посылаются божественные знамения, указывающие, что каждый из веков окончен». Эти знамения этрусски, опытные в гаруспиции и в своей науке, усердно наблюдая, занесли в книги. Потому в «Тускской истории», написанной, по Варрону, в восьмом их веке, содержится и то, сколько веков было дано этому племени, и сколько уже миновало, и каков был каждый из них, и какими знаменьями были отмечены их исходы. И написано так, что четыре первые века были по 100 лет, пятый — 123, шестой — 119, седьмой — столько же, восьмой тогда еще длился, оставались девятый и десятый, по истечении которых должен был наступить конец этрусскому имени.

А у римлян, по мнению некоторых, века разграничивались вековыми играми. Но если этому верить с определенностью, то неопределенной окажется сама величина римского века. Ведь не только не известно, сколько было в прошлом промежутков времени, которые должны бы знаменоваться этими играми, но даже сколько их должно было быть. Ибо, если по Анциату и другим историкам, учреждены они были с тем, чтобы справляться каждый сотый год, то и Варрон в книге первой «О началах сценических представлений» оставил такую запись: «Когда было много знамений, и стена и башня, что между Коллинскими и Эскивилинскими воротами, испытали прикосновение неба, и посему 15 мужей обратились к Сибиллиным книгам, те возвестили, дабы отцу Диту и Прозерпине на Марсовом поле три ночи совершались Тарентинские игры и приносился в жертву черный скот и дабы каждый сотый год совершались игры». О том же Тит Ливий в книге 136: «В тот же год Цезарь с огромными приуготовлениями справил вековые игры, которые был обычай — ибо ими отмечались века — совершать каждый сотый год». Напротив, комментарии 15 мужей, так же как эдикты Божественного Августа, очевидно, свидетельствуют, что повторялись они каждый 110-й год, а к тому же и Гораций Флакк в гимне, исполнявшемся на вековых играх, следующим образом обозначил это время:

«Круг в сто десять лет да вернет обычай
Многолюдных игр, да поются гимны
Трижды светлым днем, троекратно ночью
Благоприятной»³³.

И это разногласие во времени, если развернуть старинные анналы, оборачивается намного большей неясностью.

Ведь первые вековые игры были введены после изгнания царей в год от основания Рима 245, а по комментариям 15 мужей — в год 299-й при консулах Марке Валерии и Спурии Вергинии, «вторые игры были» во второе консульство Марка Валерия Корва с Гаем Петилием в год от основания города 408-й, а в комментариях 15 мужей написано, что в год 410 «в третье консульство Гая Марция Рутила с Титом Манлием Империзом», третьи игры были, по Анциату и Ливию, при консулах Публии Клавдии Пульхре и Луции Юнии Пулле «в год 505-й, а по комментарию 15 мужей» в год 518-й при консулах Публии Корнелии Лентуле и Гае Лицинии Варе. О четвертых играх существует три мнения; ибо Анциат и Варрон и Ливий сообщают, что они были объявлены при консулах Луции Марции Цензорине и Мании Манлии в год от основания Рима 605-й, а Пизон Цензорий и Гней Геллий, а также и Кассий Гемина, живший в то время, уверяют, будто они устроены спустя три года, при консулах Гнее Корнелии Лентуле и Луции Муммии Ахейском, то есть в год 608-й; в комментариях же 15 мужей они отмечены под годом 628 при консульстве «Марка» Эмилия Лепида и Луция Аврелия Ореста. Пятые игры устроили Цезарь Август и Агриппа при консулах «Гае» Фурнии и Гае Юнии Силаве в год 737-й. Шестые же устроил Тиберий Клавдий Цезарь в свое

³³ *Ног., сагм. саес. 21—24* (перевод Н. Гинцбурга).

третье консульство с троекратным консулом Луцием Вителлием в год 800-й, седьмые — Домициан в свое 13-е консульство с Луцием Минуцием Руфом; восьмые — императоры Септимий и Марк Аврелий Антонин при консулах Килоне и Либоне в год 957-й ³⁴.

Отсюда можно видеть, что не было установлено объявлять эти игры ни через 100, ни через 110 лет. Даже если принимать в расчет оба этих срока, не будет достаточно оснований утверждать, что якобы ими постоянно размечались века, — особенно из-за того, что никто не говорит об их устройстве с основания города до изгнания царей, в течение 244 лет, а этот срок, вне всякого сомнения, больше любого естественного века. А если кто верит, будто века разделялись вековыми играми, убеждаемый в том одним лишь возникновением названия, пусть знает; они могли быть названы вековыми оттого, что происходили обычно в человеческой жизни лишь однажды, подобно тому как о многих других редких вещах принято говорить, что они бывают раз в сто лет.

Но предки наши, не зная, каков век по природе, ввели государственный с постоянной величиной в 100 лет. Свидетель тому Пизон, у которого в седьмой книге анналов написано так: «В 600-й год от своего основания Рим вступил в седьмой век в перерыв между консульствами, следующий за консульством Марка Эмилия Лепида, сына Марка, и вторым консульством отсутствовавшего в Риме Гая Попиллия». Но то, что у нас ввели такое число лет, произошло не без причины: во-первых, потому что видели среди своих сограждан многих доживавших до этого возраста, затем — оттого, что и здесь, как и в большинстве других дел, хотели подражать этрускам, у которых в первых всках было по сотне лет. А кроме того, как говорит Варрон, могло это случиться из-за того, о чем писал астролог Диоскорид: будто известно в Александрии среди бальзамирующих покойников, что человек не может прожить больше 100 лет, и об этом свидетельствуют сердца тех, кто умирает без всякого телесного повреждения и порчи. Ибо в течение многих лет взвешивая сердца всех возрастов, замечали их прирост и уменьшение: у годовалого оно весит две драхмы ³⁵, у двухлетка — четыре и так каждый год вплоть до 50 лет прибывает по две драхмы; а из этих 100 драхм с 50-ти лет всякий год также убывает по две. Отсюда ясно, что на сотом году сердце возвращается к весу первого года и больше жить не может. Итак, поскольку государственный век у римлян продолжался 100 лет, значит, и первый твой день рождения и сегодняшний приходятся на десятый век. А сколько веков предназначено городу Риму — не мое дело говорить об этом. Не умолчу, однако, о прочитанном у Варрона, который в 18-й книге «Древностей» говорит, что был в Риме некий Веттий, небеславный в птицегадании, муж больших дарований, не уступавший ни одному ученому в разборах и толкованиях. Варрон слышал его слова: если правда, что передают историки о гадании Ромула при основании города и о 12 коршунах, то, миновав невредимо 120 лет, пребудет римский народ до 1200 ³⁶.

XVIII. Довольно сказано о веке. Теперь расскажу о «больших годах», длина которых до того по-разному соблюдалась племенами и указывалась авторами, что одни видели «большой год» в двух годичных оборотах, а другие — во многих тысячах лет. А как это получалось — прямо сейчас попытаюсь объяснить.

Когда в древних государствах Греции заметили, что, пока солнце в годичном движении совершает свой круг, новая луна появляется то 12, то 13 раз попеременно, тогда решили, будто 12 с половиной лунных месяцев соответствуют естественному году,

³⁴ Издатели обычно вносят в цензориновский перечень множество более или менее вероятных, однако при этом весьма ответственных конъектур, включая ссылки на Андриата при датировках первых двух игр и т. п.; из них мы взяли в перевод лишь необходимые вводные слова о вторых играх и несомненно пропущенные при переписывании данные (имена консулов, годы консульств), надежно восстанавливаемые по фастам.

³⁵ Если счет ведется в римских драхмах (3,37 г), вес сердца должен был колебаться между 6—7 и 340 г. По упоминанию грамматика Диомеда (I, 375 K) о бальзамировании трупов говорилось в XV книге «Человеческих древностей»; согласно реконструкции О. Группе, это именно та книга «О веке», которую Цензорин цитирует в XVII, 6.

³⁶ Итак, Риму предстояло погибнуть на 13-м веке; в пересчете на наше летосчисление пророчество Веттия означало, что город должен был пасть между 447 и 547 г. н. э. (см. *Reinach S. Une prediction accomplie.* — *Revue de Histoire des Religions*, 1907, 54, p. 1—9).

и так ввели государственные годы, чтобы с дополнениями они составляли то 12, то 13 месяцев; по отдельности их называли годовыми оборотами, а соединив попарно, — «большим годом». И назывался этот срок — *τριετηρίς* [трехлетие], поскольку дополнялся также третьим годом, хотя на самом деле двухлетний кругооборот — это *διετηρίς*; отсюда мистерии, через год устраивавшиеся в честь Либера, поэтами называются «триэтерики». Затем, распознав ошибку, удвоили этот срок и образовали тетраэтериду, но называли ее пентаэтеридой из-за того, что повторялась она каждый пятый год. И этот большой год, включающий четырехлетие, казался удобнее, ведь, как известно, солнечный год состоит из 365 дней и примерно четвертой части дня, что составляет один день в четырехлетие. Потому с возвращением пятого года в Элиде справлялся агон в честь Зевса Олимпийского, а в Риме — в честь Юпитера Капитолийского. Но и этот срок, казавшийся согласованным только с движением солнца, но не луны, был удвоен и образована октаэтерида [восьмилетие], которая звалась тогда эннеаэтеридой, так как первый год ее тоже возвращался в виде девятого года. Этот кругооборот считала поистине «большим годом» большая часть Греции оттого, что он состоял из полных лет (и полных месяцев ³⁷) как, собственно, и должно быть в большом году: ведь в нем полных дней (2922, полных месяцев ³⁸) 99 и восемь полных годовых оборотов. Повсюду верят, будто эту октаэтериду ввел Эвдокс Книдский, но другие передают, что впервые ее составил Клеострат Тенедский, а затем другие по-своему, разнообразно дополняя месяцы, ввели свои октаэтериды, как поступили Гарпал, Навтел, Менестрат и прочие, в том числе Досифей, чья октаэтеридка чаще всего приписывается Эвдоксу. Оттого в Греции многие обряды отправляются с величайшей торжественностью через этот промежуток времени, так же и игры в Дельфах, что зовутся Пифийскими, некогда устраивались через восемь лет. Ближайшая по протяженности — так называемая додекаэтеридка из 12-ти годовых оборотов. Имеется халдейское название у этого года, соотнесенного составителями гороскопов не с движением солнца и луны, но с другими приметами, поскольку за этот срок, говорят, происходит кругообращение погоды, урожая и бесплодия, а также болезней и здоровья ³⁹.

Много есть и помимо того «больших лет», как, к примеру, Метонов год, составленный Метоном Афинским из 19 лет; оттого он называется эннеадекаэтеридой и пополняется семь раз, и дней в этом году 6940. Имеется и год пифагорейца Филолая из 59 лет, где 21 дополнительный месяц; также Каллиппа Кизикского из 76, где дополнительно 28 месяцев; и Демокритов из 82 лет — в нем, соответственно, дополнений 108; но еще и Гиппархов из 304 лет, куда дополнения вносятся 112 раз. Из-за того эти годы различны по величине, что нет согласия между астрологами, насколько у солнца в году больше 365 дней или у луны в месяце меньше 30. Но к египетскому большому году луна не имеет отношения. Мы зовем его по-гречески *κοιμήσις*, а по-латыни каникулярным, так как начинается он, когда восходит созвездие Пса, — в первый день того месяца, который египтяне зовут *θουσί*. Этот год насчитывает 365 полных дней без единого дополнения. Значит, четырехлетие у них на один день меньше естественного четырехлетия, и потому происходит так, что все возвращается к началу в год 1461-й. Этот год некоторыми именуется *ἡλιακός* [«солнечный»], а другими — *θεοῦ ἐνιαυτός* [«год бога»]. А кроме того, есть год, каковой Аристотель зовет «скорее величайшим, чем большим» и который описывают круги солнца, луны и пяти подвижных светил, сойдясь вновь в том знаке, где некогда были вместе. Глубокая зима этого года — *κατακλιερός*, что у нас зовут потопом, а лето — *ἐκπύρωσις*, то есть мировой пожар (в эти чередующиеся вре-

³⁷ Очень удачная вставка Залльманна.

³⁸ Конъектура Скалигера — *MMCCCCXXII, menses solidi* — удачнее, чем у Линденброга, восстановившего за числом дней лишь слово *menses*; в ряду, включающем *anni solidi... dies solidi...*, третий член, естественнее всего, — *menses solidi*. А. Грилли (In: Istituto Lombardo. Rendiconti, 1963, 97, p. 162) предлагает *lunae cursus solidi*, ссылаясь на любовь Цензорина к слову *cursus* для обозначения оборота светил, отмеряющих время. Однако у Цензорина мы ни разу не встречаем этого слова при обозначении счетных отрезков времени (невозможно — **cursus lunae intercalares*, **dies in cursu lunae* и т. п.!).

³⁹ См. *Boll F. Dodekaeteris*. — In: RE, Hbd. 9, Sp. 1254 о связи додекаэтериды с зодиакальным кругом («круг 12 зверей») при широко известных параллелях в календарях Восточной Азии.

мена мир словно исходит то огнем, то водой). Аристарх думал, будто в нем 2484 годичных оборота, по Арету из Диррахия — 5552, по Гераклиту и Лину — 10800, по Диону — 10884, по Орфею — 120000, по Кассандру — 3600000. Другие же считали, будто он бесконечен и никогда не замыкается в себе.

Но из всех этих сроков греки в счете времени наиболее учитывают пентаэтериды, то есть четырехлетние кругообороты лет, которые они называют *ὄλυμπιάδας*; теперь у них насчитывается 254-я олимпиада и ныне — второй ее год. «Большой год» такой же величины был и у римлян, называвших его «люстром» [очищением]; по крайней мере, Сервием Туллем он был введен с тем, чтобы каждый пятый год после переписи граждан совершалось очищение, но потомки его в таком виде не соблюли. Ибо между первым люстром, совершенным царем Сервием, и тем, что был проведен императором Веспасианом в его пятое консульство с консулом в третий раз Титом Цезарем, лежит немногим меньше 650 лет, люстров же за это время было проведено не больше 72⁴⁰, а после этого они вовсе прекратились. Однако тот же «большой год» вновь и усерднее начал блюстись благодаря Капитолийским агонам. Первый из этих агонов был устроен Домицианом в его 12-е консульство с Сервием Корнелием Долабеллой, и, значит, агон, справлявшийся в нынешнем году, по счету 39-й. Что касается больших лет, уже сказано достаточно; теперь уместно поговорить о годичных оборотах.

XIX. Годичный оборот по природе — это пока солнце, пройдя 12 знаков, вернется туда, откуда начало путь. Сколько дней в этом сроке — астрономы еще не смогли узнать в точности. Филолай объявил, что в естественном году 364 с половиной дня, Афродисий — 365 $\frac{1}{8}$ дня, а Каллипп — 365, Аристарх Самосский — столько же и $\frac{1}{1623}$ дня, Метон же 365 и $\frac{5}{19}$ дня, Энонид — 365 $\frac{22}{59}$, Гарпал — 365 и 13 равноденственных часов, а нащ Эний — 366. Большинство прочих, хотя полагает эту величину неуловимой и невыразимой, но принимает за истину, считая это хорошим приближением: дней — 365.

Коль скоро среди ученейших мужей такое разногласие, что удивительного, если государственные годы, которые по-разному вводили невежественные общины, каждая — сама для себя, настолько же разнились между собой, насколько расходились и с этим естественным годом. Некоторые сообщают, что якобы в Египте древнейший год был из одного месяца, затем царем Исоном он сделан четырехмесячным и окончательно доведен Армином до 13 месяцев и пяти дней. Также и в Ахائه у аркадян, говорят, сперва был трехмесячный год, и прозваны они *πρὸς ἄλητοι* не оттого (как кое-кто полагает), что родились прежде, нежели лунное светило появилось в небе, но потому, что год у них был раньше, чем в Греции его сообразовали с движением луны. А есть такие, что передают, будто этот трехмесячный год установил Гор, и из-за этого весна, лето, осень и зима именуются *ὄρας*, и год — *φρον*, и греческие анналы — *φρονς*, и составители их — горографами. И кругооборот четырех лет по образу пентаэтериды называли большим годом. А у карибцев и акарнанцев годы были шестимесячные и неравные между собой — дни в них то возрастали, то шли на ущерб, и, соединив их, получали большой год вроде триэтериды.

XX. Но даже если я опущу все эти виды лет, покрытые мглой глубокой древности, — какое разнообразие в тех, что введены на свежей памяти и в согласии с движением луны или солнца, легко увидеть хотя бы тому, кто захотел бы исследовать это по одним лишь племенам Италии (не говорю уже о чужестранцах). Ведь как разные годы были у ферентинцев и лавинян, у албанцев и римлян, — то же самое и у других племен. Но задачей было у всех, — по-разному вводя дополнительные месяцы, выправить свои государственные годы по тому одному, истинному и естественному. Так как долго будет распространяться обо всех, перейдем к году римлян.

По крайней мере, Лициний Макр и позднее Фенестелла писали, будто годичный оборот в Риме с самого начала состоял из 12 месяцев. Но верить скорее следует Юнию Гракхану, Фульвию, Варрону и Светонию, полагающим, что месяцев было десять,

⁴⁰ В тексте LXXV. На самом деле полный список люстров насчитывает лишь 72; отсюда — вполне оправданная конъектура Б. Боргези и О. Яна, восстанавливающих LXXII, предполагая, что две наклонные черты были ошибочно приняты за цифру V (см. *Jahn O.* — In: *RhM*, 1848, 5, S. 635 f.; *Berve H. Lustrum.* — In: *RE*, Hbd. XXVI, Sp. 2053).

как было в ту пору у албанцев, от которых пошли римляне. Эти десять месяцев следующим образом содержали 304 дня: март — 31, апрель — 30, май — 31, июнь — 30, квинтилий — 31, секстилий и сентябрь по 30, октябрь — 31, ноябрь и декабрь — по 30; из них четыре месяца назывались «полными», остальные шесть — «ущербными». Позднее или Нума, как говорит Фульвий, или, по Юнию, Тарквиний положили 12 месяцев и 355 дней. Хотя очевидно, что луна описывает свои 12 месяцев за 354 дня, но один день оказался лишним, и вышло это то ли по недосмотру, то ли — во что я верю больше — из-за предрассудка, по которому нечетное число считается «полным» и более благоприятным. Как явствует, к прежнему году присоединился 51 день. Поскольку двух месяцев они не покрывали, то из тех шести ущербных месяцев было взято по одному дню и, прибавив их, получили 57 дней, а из них два месяца — январь из 29 дней, февраль — из 28. Итак, все месяцы стали «полными», с нечетным числом дней, за исключением февраля, который один остался ущербным и из-за этого был сочтен несчастливейшим.

Затем, когда представилось удобным вводить каждый второй год дополнительный месяц, чтобы год государственный уравнивался с естественным, дополнения вносились по преимуществу в феврале, между Терминалиями и Царским бегством, и так делалось долго, пока не заметили, что государственные годы оказались несколько больше естественных. Обязанность исправлять это упущение была возложена на понтификов, и порядок восполнений был преноручен их усмотрению. Но большинство из них, из прихоти внося дополнения большие или меньшие — по вражде или благожелательству, с тем, чтобы кто-нибудь быстрее ушел с должности или отправлял ее подольше, либо чтобы откупщик из-за длины года оказался в выигрыше или в убытке, — еще сверх того испортили дело, доверенное им для исправления. Отклонение дошло до того, что великий понтифик Гай Цезарь в свое третье консульство с Марком Эмилием Лепидом, дабы вновь исправить упущенное, вставил два дополнительных месяца из 67 дней, присоединив их к ноябрю и декабрю, — уже после того как пополнил февраль 23 днями; он получил в этом году 445 дней позаботившись вместе с тем об избежании ошибок на будущее: ибо, устранив дополнительный месяц, приспособил год к движению солнца. К 355 дням он добавил десять, которые распределил между семью месяцами, имевшими по 29 дней, так что к январю, секстилию и декабрю присоединились по два дня, к прочим — по одному; и приставил он эти дни к концам месяцев — для того, стало быть, чтобы обряды в каждом из месяцев не сдвинулись с места. Из-за этого теперь, когда в семи месяцах по 31 дню, четыре месяца, бывшие такими с самого начала, распознаются по тому, что ноны у них на седьмой день, а в трех прочих, как и во всех иных месяцах — на пятый.

Кроме того, вместо четверти дня, которая по замыслу должна была восполнять истинный год, он постановил по истечении четырехлетнего круговорота вставлять один день там, где некогда вставляли месяц — после Терминалий. С этого года, так упорядоченного Юлием Цезарем, последующие на нашей памяти называются юлианскими, открываясь четвертым консульством Цезаря. Однако не они одни — хотя они и лучше всего — согласованы с годом природы. Ведь и прежние годы, даже будучи десятимесячными, не только в Риме или в Италии, но и у всех народов также выправлялись, насколько это бывало возможно. И потому, когда здесь будет говорить о каком-то числе лет, не следует предполагать иных, кроме естественных.

XXI. Если бы людям было известно начало мира, мы бы начали оттуда; а ныне рассмотрим тот отрезок времени, который Варрон называет *историкон*. Он сообщает, что времена делятся на три: первое — от происхождения людей до предыдущего катаклизма, которое из-за неведения нашего зовется *αδελον* (темное), второе — от предыдущего катаклизма до первой олимпиады, под названием *μυθικον*, ибо много о нем передают сказочного, третье — от первой олимпиады до нас, о котором говорят *ιστορικον*, потому что совершившееся в это время содержится в подлинных исторических сочинениях⁴¹. Имело ли первое время начало или было всегда, — однако, очевидно, что точно узнать, сколько в нем было лет, невозможно. Второе, хотя его и представ-

⁴¹ По Августину (de civ. dei VI, 5; XVIII, 8) это разделение времен давалось Варроном в трудах «De antiquitatibus divinis» и «De gente populi Romani».

ляют неясно, но верят, что длилось до 1600 лет. От предыдущего катаклизма, который еще зовут Огигиевым⁴², до царства Инаха — около 400 лет, «отсюда до падения Трои — 800⁴³», а от него до первой олимпиады немногим более 400. Только эти последние, как наименее удаленные от памяти историков, хотя и лежащие в конце мифического времени, кое-кто пытался определить точнее. А именно, Сосибий писал, будто их — 345, а Эратосфен — 407, Тимей — 417, Арет — 514 и многие другие — по-разному; само их разногласие говорит об отсутствии ясности.

А относительно третьего времени у авторов тоже были кое-какие разногласия, однако всего лишь в шесть-семь лет; и то всю неясность здесь рассеял Варрон и с обычной своей пронизательностью, то сопоставляя годы различных государств, то пересчитывая затмения и промежуток между ними, извлек истину и явил свет, при котором можно распознать точное число не только лет, но и дней. Согласно с его выкладками, если не ошибаюсь, этот год, для которого как бы примета и заглавие — консульство славнейших мужей Пия и Понтиана, от первой олимпиады — 1014-й, во всяком случае с тех летних дней, когда справляются олимпийские игры; а от основания Рима — 991-й, именно — с Парилий, откуда отсчитываются годы этого города. А из тех лет, которые зовутся «юлианскими», он 283-й с январских календ, где Юлий Цезарь положил начало введенному им году. Из тех же, что называют «годами Августов», он 265-й и тоже с январских календ, хотя император Цезарь, сын Божественного, стал именоваться севатом и прочими гражданами Августом (но предположению Луция Мунация Планка) с 16-го дня до февральских календ в свое седьмое консульство вместе с консулом в третий раз Марком Випсанием Агриппой. Но египтяне, попав за два года до того во власть и распоряжение римского народа, считают этот год годом Августов 267-м. Ибо как и у нас, у египтян годы заносятся в некие списки: таковы годы, называемые «Набонназаровыми», открывающиеся первым годом его царствования, из которых теперь 986-й; также «Филипповы» годы, что исчисляются от кончины Александра Великого и, будучи доведены до нынешнего, составляют 562 года. А за начало их всегда принимается первый день месяца, которому у египтян название Тот. И было это в нынешнем году в седьмой день до июльских календ, тогда как ста годами раньше, во второе консульство императора Антонина Пия с Бруттием Презентом, тот же день был 13-м до августовских календ, а в это время в Египте восходит созвездие Пса⁴⁴; отсюда можно вывести, что нынче исполняется сотый годичный оборот того большого года, который, как сказано выше, зовется солнечным, каникулярным и годом бога.

А начала отсчета этих лет я указал затем, чтобы никто не подумал, будто все они вместе начинаются с январских календ или с какого-нибудь иного времени; ибо прихоти их учредителей разнились не менее, чем взгляды на это философов: одним казалось, что естественный год начинается вместе с новым солнцем, то есть с зимнего солнцестояния, другим — с солнцестояния летнего, множество — с весеннего равноденствия, а некоторым — с осеннего, иным — с появления Плеяд, а кое-кому — с их заката и многим — с восхода Пса.

XXII. Месяцев два вида: одни — естественные, другие — государственные. Естественные бывают двоякими: часть из них — солнечные, часть — лунные. Соответственно солнцу месяц — это пока солнце проходит каждый из знаков в зодиакальном круге, а лунный — это промежуток от новолуния до новолуния. Государст-

⁴² По имени древнего царя беотийских Фив Огига, якобы предвидевшего и пережившего потоп (ср. *Nonn.*, *Dion.* III, 204—208; *August.*, *de civ. dei.* XXI, 8, 2, по Варрону). Пересказ Цензорина расходится в датировке Огигиева потопы со словами самого Варрона в *Rust.* III, 1, 2—3: в первом случае мифический катаклизм приходится на XXIV в. до н. э., во втором — на два века позже; но по Арнобию (V, 8) опять же со ссылкой на Варрона, к 43 г. до н. э. второе тысячелетие после потопы еще не истекло.

⁴³ Лагуна однозначно, иногда в примечаниях, заполняется издателями. Любопытна близость даты полусказанного «царства Инаха» (XX—XVIII вв. до н. э.) к исторической датировке продвижения греческих племен в Центральную и Южную Грецию в начале среднебронзовой эпохи.

⁴⁴ Таким образом, Цензорином использовался некий источник календарно-хронологического типа, созданный после 138 г. н. э.; из авторов этого времени он цитирует только Светония, почему и предполагается, что его источником мог послужить «Римский год» или «Prata». О хронологических соответствиях в этой главе Цензорина см. подробнее *Grafton A. T.*, *Sverdlow N. M.* *Technical chronology and astrological history in Varro, Censorinus and others.* — *CIQ*, 1985, v. 35, № 2, p. 454 sqq.

венный месяц — это некое число дней, учитываемое всяким государством в согласии с его установлениями, например у римлян сейчас — от календ до календ. Естественные месяцы и древнее, и общи для всех народов, государственные введены позже и относятся лишь к каждому государству в отдельности. Небесные месяцы, будь то солнечные или лунные, и между собою не равны и не складываются из полных дней. Потому что в Водолее солнце пребывает примерно 29 дней, в Рыбах — около 30, в Овне — 31, в Близнецах — почти 32, и столь же по-разному в остальных; но в отдельных месяцах число дней до того нецелое, что год свой — 365 дней и еще невесть какую частицу, до сих пор не исследованную астрономами, солнце делит между своими 12 месяцами. Луна же покрывает каждый свой месяц за 29 с половиной дней, но и здесь они между собой неравны, одни — длиннее, другие — короче.

А месяцы государств, хотя значительно расходятся между собой в числе дней, зато везде включают только полные дни. У албанцев в марте их 36, в мае — 22, в секстилии — 28, в сентябре — 16, у тускуланцев в квинтилии — 36, в октябре — 32, а у арицинов в том же октябре — 39. Думается, меньше всех ошибались те, кто приспособил государственные месяцы к движению луны, как большинство в Греции, у которых каждый второй месяц включал по 30 дней. В этом не уступали им и наши предки, имея год из 355 дней. Но Божественный Юлий, видя, что при таком порядке ни месяцы не соответствуют, как следовало бы, луне, ни годы — солнцу, предпочел выправить год, чтобы, таким образом, государственные месяцы неизбежно сходились с истинными, солнечными, если не по отдельности, то вместе взятые к концу года.

По Фульвию и Юнию, имена десяти древним месяцам положил Ромул⁴⁵, а именно первые два назвал в честь своих родителей — март в честь отца Марса, апрель — в честь Афродиты, то есть Венеры, от которой, как считалось, произошли его предки; следующие два в честь народа: май — в честь старших по рождению, июнь — в честь юных; остальные по порядку чисел, в котором они стояли, от Квинтилия до Декабря, — соответственно месту каждого. Но Варрон, подавая римлян перенявшими имена месяцев от латинян, весьма убедительно показывает, что создатели имен были древнее города. Так, он убежден, что март назван в честь Марса не потому, что тот был отцом Ромула, но оттого, что воинственно латинское племя; апрель же — не в честь Афродиты, но по «открыванию» (*aperiendo*), ибо тогда чуть ли не все рождается и природа снимает с рождения затворы; а май — не по старшим получил имя, но по Майе, так как в этом месяце в Риме, как до того в Лации, совершались обряды в честь Майи и Меркурия⁴⁶; июнь также скорее по Юноне, чем по юношам, так как в этом месяце наивысшие почести воздавались Юноне; квинтилий — из-за того, что еще у латинян он стоял на пятом месте; так же и секстилий и далее, вплоть до декабря названные по числам. Наконец, январь и февраль добавлены, правда, позже, но названия их заимствованы еще из Лации: название января идет от Януса, которому он посвящен, а февраля — от слова *februum*: *februum* — это все, что освящает и очищает, и *februa* — очистительные средства, и *februae* — «очищать, делать чистым». Не повсюду одно и то же зовется *februum*; ибо при разных священнодействиях «февруация», т. е. очищение, происходит по-разному. А в этом месяце на празднике Луперкалий, когда очищается Рим, несут горячую соль, ее и называют *februum*; отсюда день Луперкалий, собственно, — *februatus*, и от него далее месяц прозван февралем.

Из этих 12 месяцев названия переименованы только у двух: квинтилий поименован июлем в пятое консульство Гая Цезаря с Марком Антонием — во второй юлианский

⁴⁵ Весь контекст *nomina... Romulum fecisse*, с высокой вероятностью восходящий через Варрона к самым цитируемым анналистам, представляет замечательное языковое свидетельство: переключаясь с плавтовским (Bach. 945) *ei... nomen facio*, он подтверждает бытование в ранней латыни конструкции, продолжающей индоевропейскую *(o) *nomen dhen* «класть имя», отраженную в санскрите (*nama dha*), древнегреческом (*συνα τῆς ἡμῶν*) славянских (др. чеш. *dieti ime*), хетто-лувийских, иранских, фригийском языках (см. Иванов Вяч. Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, с. 140 сл., с литературой).

⁴⁶ Залльманн вслед за М. Шанцем предлагает снять имя Меркурия; однако отождествление римской Майи с матерью Гермеса — факт общеизвестный (*Fest.*, p. 134; *Corp. gloss. Lat.* V, 82, 23; *August.*, contra *Faustum* XVIII, 5).

Год, а тот, что прежде был секстилием, решением сената при консулах Марции Цензорине и Гае Азинии Галле в честь Августа назван августом — в год Августа 20-й, и в память об этом имена их пребывают и ныне. А после того, хотя многие принцессы и переменили названия иных месяцев, нарекая их своими именами, но после или сами это поменяли обратно, или после их кончины те, прежние, названия возвращены их месяцам.

XXIII. Осталось немного рассказать о дне, который, так же как месяц или год, бывает либо естественный, либо государственный. По природе день — это время от восхода солнца до солнечного заката, и противоположное ему время — это ночь от заката солнца до восхода. А государственным днем называется время, за которое происходит один оборот неба, включающий и истинный день и ночь; например, когда говорят, что кто-нибудь прожил только 30 дней, то подразумеваются также и ночи. А день такого рода астрономы и государства определяют четырьмя способами. Вавилоняне установили день от солнечного восхода до следующего восхода того же светила, а большинство в Умбрии считает от полудня до полудня, афиняне же — от заката солнца до заката. Наконец, римляне полагают, что день — это от полуночи до полуночи. Тому свидетельство — общественные обряды и ауспicii магистратов, при которых, если что-то произойдет после полуночи, но до рассвета, то говорят, будто случилось в день, следующий за этой ночью. И то же самое означает, когда у рожденных за 24 часа — от полуночи до следующей полуночи — один и тот же день рождения⁴⁷.

Всем известно, что день разделен на 12 часов и ночь на столько же. Но я уверен, что в Риме это соблюдается с появления солнечных часов. А которые из них древнейшие, установить трудно: одни говорят, будто первые были установлены около храма Квирина, другие — что на Капитолии, а некоторые — что у храма Дианы на Авентине. Хорошо известно, что на форуме их не было раньше тех, которые Манлий Валерий, привезя из Сицилии, поместил на колонну возле ростров. Поскольку они, будучи размеченными согласно широте Сицилии, не совпадали с римскими часами, цензор Луций Филипп рядом установил другие. Затем, немного спустя, цензор Публий Корнелий Назика изготовил водяные часы; но даже их из-за привычки узнавать часы по солнцу стали звать солярием. Вероятно, слово «часы» не менее 300 лет оставалось в Риме неизвестным; ведь в XII Таблицах никогда не найдешь указания на час, как в других, позднейших законах, но только — «до полудня», видимо, потому, что полдень разделял части дня, в ту пору разбитого надвое⁴⁸. А другие разбивали день на четыре части, но и ночь также: об этом свидетельствует и подобный воинский обычай, когда говорится — «первая стража», «вторая», «третья» и «четвертая».

XXIV. Есть еще более сроков у ночи и дня под другими, отмечающими и различающими их собственными названиями, которые повсюду находим в писаниях давних авторов. Изложу их все по порядку⁴⁹. Начну с полуночи, которая — первый и последний срок римского дня. Ближайшее к ней время зовется «за полночь» (*de media nocte*); за ним следует «петушьё пение» (*gallicinium*), когда начинают петь не-

⁴⁷ У Макробия (*Sat. I, 3—6*) и Авла Геллия (*III, 2, 4*) находим подборки варроновских цитат, почти дословно совпадающие с текстом Цензорина и, по свидетельству последнего автора, почерпнутые из «Человеческих древностей». Ср. также *Lyd., de mens.*, II, 1.

⁴⁸ Плиний Старший (*HN, VII, 241—245*) передает рассказ о привозе часов из Сицилии и установке их вблизи ростров как выдержку из Варрона, но в отличие от Цензорина отрицает наличие упоминаний о полудне в законах XII Таблиц, считая выделение этого срока поздним нововведением (вопрос остается спорным); краткому упоминанию Цензорина о часах у храма Квирина соответствует у Плиния рассказ об установившем их цензоре Папирии со ссылкой на Фабия Вестала.

⁴⁹ Ф. Гинцель предполагает (для начала весны), что выделяемым у Цензорина частям суток соответствуют: «за полночь» — 1—2 часа ночи, «петушьё пение» — 3 ч. **ночи**, «умолкание» — 4—5 ч. утра, «перед рассветом» — ок. 6 ч. утра, «рассвет» — около 7¹/₂ утра, «утро» — 8—9 ч., «перед полуднем» — 10—11 ч., «полдень» — 12, «после полудня» — около 1 ч. дня, «крайний час» — около 4—5 ч., «вечер» — 6 ч., «потемки» — 6—7 ч., «при зажженном свете» — 8 ч., «отход ко сну» — 9 ч., «безвременье» — 10 ч., «перед полуночью» — 11 ч., «полночь» — 12 ч. (*Ginzel F. K. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. Bd. II. Lpz, 1911, S. 164*). В ряде моментов изложение Цензорина очень близко к варроновскому в *L.I. VI, 2—7*.

тухи; потом «умолкание» (*conticium*), когда они смолкают; теперь — «перед рассветом» (*ante lucem*) и вот «рассвет» (*diluculum*), когда уже светло, хотя солнце не встало; время после рассвета зовется «утром» (*mane*), когда светло уже при солнце; после этого — «перед полуднем» (*ante meridiem*), далее «полдень» (так называется середина дня), а там — «за полдень» (*de meridie*). Отсюда уже — «крайний час» (*suprema*). Правда, большинство считает, что «крайний час» — это после заката солнца, потому что в XII Таблицах написано так: «Закат солнца пусть будет крайним сроком». Но уже после того трибун Марк Плеторий провел плебисцит, где было записано: «Городской претор, который ныне и всякий будущий, пусть имеет при себе двух ликторов и пусть он до крайнего часа — до заката солнца — вершит суд среди граждан». За «крайним часом» следует «вечер» (*vespera*), до восхода того светила, которое Плавт называет *Vesperugo*, Эний — Веспером, Вергилий — Геспером. Отсюда далее — «потемки» (*strepusculum*), названные так, пожалуй, из-за того, что вещи неясные зовутся «темными» (*stergae*), а это время — не ясно, ночное оно или дневное. После него следует время, которое мы зовем «при зажженном свете» (*luminibus accensis*), а древние называли «при первой лучине» (*prima face*); затем — «отход ко сну» (*concubitum*), когда идут спать; потом — «безвременье» (*intempesta*), то есть глубокая ночь, когда не время ничего делать; теперь — «перед полночью» и вот — полночь⁵⁰.

---

⁵⁰ На этой фразе текст обрывается, уже вплотную подойдя к логическому концу. Трудно представить, что в нем могло бы еще содержаться, — разве что заключительное хвалебное обращение к Квинту Церелию.